

Лина Вей

Не тот ребёнок

Ли́на Вей

Не тот ребёнок

«Автор»

2026

Вей Л.

Не тот ребёнок / Л. Вей — «Автор», 2026

Один короткий миг в переполненном супермаркете — и мир Эмили рушится. Среди ярких открыток, блёсток и привычного шума будней исчезает её дочь. Несколько секунд растерянности, крик, который тонет в гуле голосов, — и Лили нет. Только холодное осознание: кто-то спланировал это до мелочей, кто-то знал, в какой момент Эмили отвлечётся, и воспользовался этой секундой слабости. С первой минуты Эмили перестаёт быть просто матерью — она становится охотницей. Страх не парализует её, а превращается в топливо: она преследует тех, кто похитил ее ребенка на своей машине. Погоня, скорость, стрельба, кровь: все это ее уже не беспокоит. Главное спасти свою дочь. Её сердце бьётся в ритме одной мысли: «Я найду тебя, Лили. Я не сдамся».

© Вей Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. День, который всё изменил	5
Глава 1. Знакомство с Эмили и Лили	5
Глава 2. Супермаркет «Гринвей» как лабиринт	7
Глава 3. Звонок в полицию	10
Часть 2. Погоня и жертвы	13
Глава 4. Эмили решает действовать сама	13
Глава 5. Маркус замечает слежку	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Не тот ребёнок

Часть 1. День, который всё изменил

Глава 1. Знакомство с Эмили и Лили

Будильник прозвенел ровно в 6:45 — Эмили Харрис не любила опаздывать, а ещё больше не любила судорожно собираться в последнюю минуту. Она потянулась, стряхнула остатки сна и тут же прислушалась к тишине в квартире. Тишина была хорошей: значит, Лили ещё не проснулась. Значит, у Эмили есть хотя бы десять минут на то, чтобы поставить чайник, налить себе первую чашку кофе и пролистать рабочие сообщения, не отвлекаясь на «Мам, а можно хлопья?», «Мам, а где мои носки?» и «Мам, а Мистер Прыг куда-то пропал!».

Кухня в их небольшой квартире на втором этаже старого дома в Ривертоне была уютной, но тесной. На холодильнике висели магниты с детскими рисунками, календарь с отметками о визитах к врачу и напоминанием о родительском собрании, а на подоконнике — горшок с чахлым базиликом, который Эмили каждый год пыталась вырастить, и каждый год он сдавался к середине лета. Она налила кипятка в любимую кружку с надписью: «Лучший администратор клиники», улыбнулась этой скромной шутке и села за стол, прижимая кружку к ладоням, будто хотела впитать тепло.

Телефон уже мигал уведомлениями. Три сообщения от администратора смены: «Эмили, сможешь сегодня задержаться на час?», «У доктора Льюиса отменился пациент, можно перенести кого-то из очереди», «И ещё: главврач просил зайти утром». Эмили вздохнула, но не раздражённо, а привычно — так вздыхают люди, для которых «ещё одна задача» давно стала нормой. Она быстро напечатала: «Да, смогу задержаться. По поводу переноса — скинь список, я посмотрю. К главврачу зайду перед обедом». Отправила и на секунду закрыла глаза. Ещё пять минут тишины.

И тут тишину разорвал знакомый голос:

— Мам?

Эмили резко подняла голову. В дверях стояла Лили — сонные глаза, волосы всклокочены, в руках крепко прижат потрёпанный плюшевый кролик Мистер Прыг. У кролика уже почти не осталось одного уха, а нос был застиран до белёсого оттенка, но Лили не расставалась с ним ни на минуту.

— Ты уже встала? — Эмили улыбнулась и встала из-за стола. — А я думала, ты ещё поспишь.

— Не-а, — Лили зевнула и потёрла глаза кулачками. — Я хотела ещё пять минут, но Мистер Прыг сказал, что надо вставать, а то мы опоздаем в магазин.

Эмили рассмеялась. Магазин. То есть супермаркет «Гринвей», куда они заезжали по пути, если оставалось время. Для Лили это было не просто место, где покупали молоко и хлеб. Это был мир полок, запахов, тележек и маленьких радостей: наклеек, шоколадных яиц, ярких коробочек с соком. Эмили не поощряла лишние покупки, но и не запрещала совсем. Иногда ей казалось, что эти пять минут у стеллажа с наклейками — это и есть то самое, что делает утро хорошим.

— Ладно, пять минут у тебя есть, — сказала Эмили, подходя к дочери и обнимая её вместе с Мистером Прыгом. — Но потом умываемся, завтракаем и собираемся. У меня сегодня много дел на работе, а тебе надо выбрать самое красивое платье.

Лили тут же оживилась:

— То розовое, с цветочками! Оно моё любимое!

— Тогда беги надевай, а я пока сделаю тебе бутерброд.

Пока Лили убежала в комнату, Эмили достала хлеб, масло, клубничный джем — единственный, который ела Лили. На кухне снова стало тихо, только тикали часы над плитой. Эмили на секунду замерла, прислушиваясь к этому спокойному ритму. Ей нравилось это утро. Нравилось, что всё идёт по плану. Нравилось быть той самой мамой, которая знает, какое платье любимое, какой джем единственный, и что Мистер Прыг — не просто игрушка, а почти член семьи.

Через десять минут Лили вернулась в розовом платье с цветочками, волосы кое-как собраны в хвостик — она не любила долго стоять у зеркала. В руках — всё тот же Мистер Прыг, а на лице — улыбка, будто день уже удался.

— Готово! — объявила она.

— Почти, — Эмили мягко поправила хвостик, закрепила его новой резинкой с бантиком. — Теперь завтрак.

Они сели за стол. Лили болтала ногами, рассказывала про сон, в котором Мистер Прыг летал, как супергерой, и спасал всех от большого чёрного кота. Эмили слушала, кивала, улыбалась, время от времени поглядывая на телефон, который снова мигал. Ещё одно сообщение: «Эмили, если сможешь, позвони, когда будешь в дороге». Она вздохнула и быстро написала: «В дороге буду через 20 минут, наберу».

После завтрака они начали собираться. Лили схватила рюкзак, который Эмили заранее подготовила: бутылка воды, яблоко, салфетки, запасной носок (на всякий случай). Лили деловито достала из ящика брелок-сердечко — маленький, ярко-красный, с золотистой окантовкой. Она нашла его в коробке с мелочами и сразу заявила: «Это моё!». Эмили не возражала. Теперь Лили цепляла его на рюкзак каждый день.

— Вот! — Лили гордо прицепила брелок к молнии. — Теперь точно можно идти.

— Точно, — Эмили накинула лёгкую куртку, проверила ключи, кошелек, телефон. — Поехали.

На улице Ривертон жил своей утренней жизнью. По Мэйн-стрит уже тянулся поток машин, автобусы останавливались у остановок, выпуская пассажиров. Воздух был прохладным, но уже чувствовалось, что день будет тёплым. Пахло кофе из киоска на углу, выхлопными газами, свежей выпечкой из пекарни напротив. Город просыпался, и в этом шуме, запахах, движении было что-то успокаивающее: всё как всегда, всё на своих местах.

Эмили и Лили шли к машине. Лили держала маму за руку, но время от времени отпускала, чтобы подбежать к витрине, посмотреть на игрушку, покрутить брелок на рюкзаке. Эмили не торопила её. Пусть эти маленькие радости будут. Пусть утро останется таким — обычным, спокойным, без предчувствий.

Они подошли к старенькой, но надёжной машине Эмили. Та щёлкнула замками, когда Эмили нажала кнопку на брелоке. Лили забралась на детское кресло, пристегнулась, пристроила Мистера Прыга рядом. Эмили села за руль, вставила ключ в зажигание, и машина мягко заурчала.

— Ну что, Лили, куда сначала? — спросила Эмили, глядя в зеркало заднего вида.

— В магазин! — тут же ответила Лили, сияя. — Хочу посмотреть наклейки!

Эмили улыбнулась.

— Хорошо, заедем. Но только на пять минут, ладно?

— Ладно! — Лили обняла Мистера Прыга. — Он тоже хочет посмотреть.

Машина плавно тронулась с места, вливаясь в утренний поток Ривертон. Город катился вперёд, как всегда. И никто из них не знал, что эти обычные пять минут у стеллажа с наклейками станут точкой, после которой ничего уже не будет как прежде.

Глава 2. Супермаркет «Гринвей» как лабиринт

Эмили смотрела на телефон, проверяя, не пришло ли ещё одно сообщение по отчёту. Потом подняла глаза — и увидела, что дочь стоит у полки с конфетами, разглядывая упаковку, на которой шоколадные мишки танцевали под музыку.

— Лили, идём, — позвала Эмили, стараясь говорить спокойно, без раздражения. — Нам ещё яйца и порошок.

Лили кивнула, но не сразу пошла. Она ещё секунду смотрела на мишек, будто пыталась запомнить их танец. Потом повернулась и пошла к маме, но по дороге остановилась у стойки с открытками — там была одна с котиком в шляпе, и Лили потянулась к ней.

— Можно посмотреть? — спросила она тихо, почти шёпотом, будто боялась, что если скажет громче, мама сразу скажет «нет».

Эмили вздохнула, но кивнула:

— Быстро. Одну.

Пока Лили рассматривала открытку, Эмили снова глянула в телефон. Ещё одно сообщение от коллеги: «Шеф уже спрашивал. Ты где?». Она быстро напечатала: «В магазине, буду через 20», отправила и подняла глаза.

Лили всё ещё стояла у стойки. Но теперь она была не одна. Рядом с ней, будто из ниоткуда, появилась женщина в тёмной куртке — не то чтобы подозрительная, просто... обычная. Такие женщины каждый день ходят по супермаркетам: уставшие, с тележкой, с ребёнком или без. Она наклонилась к Лили, что-то сказала — слишком тихо, чтобы Эмили не услышала, — и Лили кивнула.

На секунду Эмили замерла, не понимая, что происходит. Потом шагнула вперёд, собираясь окликнуть дочь, но в этот момент мимо проехала тележка, кто-то громко позвал кассира, из динамиков сменилась песня, и этот короткий миг, когда можно было всё остановить, растворился в шуме.

Когда Эмили добралась до стойки, Лили уже не было.

Она остановилась, оглядываясь, не веря своим глазам. Стойка с открытками, полка с конфетами, проход между йогуртами и соками — всё было на месте, всё было знакомо. Но Лили не было.

— Лили? — позвала Эмили, сначала тихо, потом чуть громче. — Лили, ты где?

Никто не ответил. Женщина в тёмной куртке исчезла. Проход был полон людей, но никто не смотрел в её сторону. Кто-то катил тележку, кто-то выбирал бананы, кто-то спорил с ребёнком из-за шоколадки. Обычная суэта, обычный день. Только для Эмили он вдруг стал чужим.

Она пошла по проходу, заглядывая за полки, надеясь увидеть знакомое платье, знакомый хвостик, знакомый силуэт. Но везде были чужие люди, чужие тележки, чужие разговоры.

Запах выпечки, который ещё минуту назад казался уютным, теперь раздражал — он был слишком сладким, слишком навязчивым, будто пытался заглушить панику, которая поднималась внутри.

— Лили! — крикнула Эмили, уже не стараясь быть спокойной. — Лили!

Кто-то из покупателей обернулся, посмотрел на неё с лёгким недоумением — мол, что за спешка, тут же супермаркет, не вокзал. Но никто не помог. Никто не сказал: «Я видел девочку в розовом платье». Никто не протянул руку.

Эмили побежала к следующему проходу. Тележка осталась стоять, подклинившее колесо всё ещё слегка поворачивалось, будто не веря, что её бросили.

Второй проход был ещё шире, ещё шумнее. Здесь продавали бытовую химию, и воздух пах стиральным порошком и лимоном — резкий, холодный запах, который на секунду отрезвил её.

— Лили! — снова крикнула она, оглядываясь. — Лили, ответь!

Тишина. Не полная, конечно: играла музыка, кто-то смеялся, кассир пробивал покупки, тележки катились по полу. Но для Эмили это была тишина — потому что в ней не было голоса дочери.

Она вернулась к стойке с открытками. Открытка с котиком всё ещё лежала на полке, будто ничего не произошло. Эмили схватила её, сама не зная зачем, и тут же бросила обратно.

Паника накатывала волнами. Первая волна была холодной, расчётливой: «Где она могла пойти? Куда она пошла бы, если бы потеряла меня?» Вторая волна была горячей, слепой: «Что, если её увели? Что, если она упала? Что, если...»

Эмили заставила себя остановиться. Вдох. Выдох. Нельзя терять голову. Нужно думать.

Она достала телефон, чтобы позвонить Лили — но у дочери не было телефона. Шесть лет. Слишком мало. Эмили всегда думала, что успеет. Что сначала школа, потом кружок, потом телефон. Что безопасность — это не про телефоны, а про «держись за руку», про «не уходи», про «я рядом».

Теперь эти фразы звучали как насмешка.

Эмили бросилась к кассе. Там стояла молодая кассирша с усталыми глазами и бейджиком «Сара».

— Простите, — выдохнула Эмили, едва сдерживая дрожь в голосе. — Моя дочь пропала. Ей шесть лет, она в розовом платье, с хвостиком... Я потеряла её в магазине.

Сара на секунду замерла, потом кивнула, будто этот вопрос был ей знаком — как будто в «Гринвее» каждый день кто-то терял ребёнка.

— Сейчас, — сказала она, берясь за рацию. — Я вызову администратора. И мы объявим по громкой связи.

Голос по громкой связи прозвучал неожиданно громко, будто хотел перекрыть весь этот шум, всю эту суету:

«Внимание, покупатели и сотрудники. Просим помочь в поиске девочки шести лет, Лили Харрис, в розовом платье. Если вы видите её, пожалуйста, обратитесь к ближайшему сотруднику».

Слова разлетелись по магазину, но, казалось, растворились в нём. Кто-то продолжал катить тележку, кто-то выбирать хлеб, кто-то спорить из-за акции. Объявление не остановило мир — оно просто добавило к нему ещё один звук.

К Эмили подошёл администратор — высокий мужчина в фирменной рубашке, с таким видом, будто он привык решать проблемы, но не такие.

— Расскажите ещё раз, где вы её видели в последний раз, — спокойно, почти буднично спросил он.

Эмили рассказала: стойка с открытками, конфеты, женщина в тёмной куртке. Когда она дошла до женщины, голос её дрогнул.

— Вы думаете, её могли увести? — спросил администратор, и в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на тревогу.

— Я не знаю, — прошептала Эмили. — Я просто на секунду отвлеклась. На секунду.

Администратор кивнул, будто понимал, что «на секунду» может быть достаточно.

— Мы проверим камеры, — сказал он. — И пройдем по всем отделам. Не уходите, пожалуйста.

Но Эмили не собиралась уходить. Она стояла посреди прохода, между полками с йогуртами и конфетами, и чувствовала, как этот супермаркет, который ещё полчаса назад казался просто магазином, превращается в лабиринт.

Каждый проход был похож на предыдущий. Каждая полка была уставлена одинаковыми коробками. Люди шли мимо, не замечая её, не видя, как рушится её мир. Музыка играла,

тележки катились, запах выпечки висел в воздухе — и всё это вместе создавало иллюзию нормальности, которая теперь казалась самой страшной вещью на свете.

Охранник с рацией прошёл мимо, кивая администратору. Ещё один сотрудник пошёл проверять отдел игрушек. Кто-то из кассиров смотрел на Эмили с сочувствием, но ничего не мог сделать.

Телефон в кармане снова завибрировал. Эмили достала его, не глядя, и увидела ещё одно сообщение: «Ты где? Шеф уже в ярости».

Она хотела ответить, хотела написать: «Мою дочь украли», но пальцы замерли над экраном. Как это написать? Как превратить этот кошмар в короткое сообщение в рабочем чате?

Она убрала телефон. Сейчас это не имело значения. Ни отчёт, ни встреча, ни гнев шефа. Имело значение только одно: найти Лили.

Эмили снова пошла по проходам, заглядывая за каждую полку, в каждый угол. Она звала дочь, но голос её уже был хриплым от крика.

Лабиринт «Гринвея» не хотел её отпускать. Он держал её в своих проходах, среди ярких упаковок и громкой музыки, среди чужих людей и чужих забот. И в этом шуме, в этой суете, было так легко потерять самое дорогое — настолько легко, что Эмили теперь не понимала, как она вообще могла думать, что контролирует ситуацию.

Она дошла до отдела с хлебом. Здесь было чуть тише — музыка звучала не так громко, и запах выпечки был сильнее. Кто-то брал буханку, кто-то нюхал багет, кто-то спорил о цене. Всё как всегда.

Но Лили здесь не было.

Эмили остановилась, прислонившись к полке, и закрыла глаза. На секунду — только на секунду — чтобы собраться. Но когда она открыла их, перед ней стоял охранник.

— Мы нашли запись с камеры, — тихо сказал он. — Пойдёмте, я покажу.

Сердце Эмили сжалось. Она кивнула, не в силах произнести ни слова.

Глава 3. Звонок в полицию

Охранник провёл Эмили по узкому служебному коридору — мимо дверей с табличками «Склад», «Техническое помещение», «Только для персонала». Здесь не было ни яркой подсветки, ни музыки, ни запаха выпечки. Пахло пылью и старым пластиком, и этот запах казался почти оскорбительным после той фальшивой «уютности» торгового зала.

В небольшой комнате с серыми стенами стоял стол, на котором мигали огоньки нескольких мониторов. На одном из них всё ещё крутился тот самый кадр: Лили и женщина в тёмной куртке спокойно идут к выходу.

— Садитесь, — тихо сказал охранник, пододвигая стул. — Сейчас соединим вас с диспетчером. У нас есть прямая линия.

Эмили не хотела садиться. Ей казалось, что если она сядет, то это будет означать: «я сдаюсь, я жду». А ждать она не могла. Время утекало сквозь пальцы, как вода.

Но ноги дрожали, и она опустилась на стул, сжимая телефон так, будто он был единственным якорем в этом внезапно сошедшем с ума мире.

Охранник кивнул кому-то за кадром, и через секунду в комнате раздался сухой, чёткий голос:

— Служба 911, слушаю вас. Что у вас случилось?

Эмили открыла рот — и поняла, что не знает, как это сказать. «Мою дочь увели» звучало как строчка из плохого фильма. «Я потеряла ребёнка» — как признание собственной вины.

— Мою дочь... — голос сорвался. Эмили сглотнула, заставила себя собраться. — Мою дочь похитили. В супермаркете «Гринвей». Ей шесть лет, её зовут Лили Харрис. Она была в розовом платье. Её увела с собой женщина в тёмной куртке. Мы видели это на камерах.

На том конце провода на секунду повисла пауза — короткая, но невыносимо долгая.

— Адрес супермаркета назовите, пожалуйста.

Эмили назвала адрес, чувствуя, как внутри поднимается волна раздражения. Это было не то, что ей хотелось сказать. Ей хотелось крикнуть: «Не адрес, а сделайте что-то!» Но она знала: если сорвётся, её перестанут слушать.

— Ваше имя? — спросил диспетчер.

— Эмили Харрис. Я её мать.

— Номер вашего телефона?

Она продиктовала номер, стараясь говорить чётко, хотя пальцы скользили по экрану, будто чужие.

— Опишите ещё раз внешность дочери: рост, особые приметы.

Эмили закрыла глаза, чтобы увидеть Лили не на экране камеры, а живой, настоящей.

— Она маленькая для своего возраста. Рост примерно 115 сантиметров. Волосы светлорусые, собраны в хвостик. На ней розовое платье с белыми пуговицами, сандалии с ремешками. На шее тонкая цепочка с маленьким сердечком — это подарок бабушки. И... — она запнулась, вспомнив. — У неё на коленке царапина. Вчера упала с качелей.

Диспетчер повторял за ней, записывая. Каждое слово, произнесённое чужим голосом, звучало как приговор: да, это происходит, да, это реально.

— А женщина, которая её увела? Опишите её.

— Тёмная куртка, не помню точно какая. Джинсы. Волосы тёмные, собраны назад. Лицо... — Эмили замолчала, пытаясь вспомнить. — Я не разглядела. Всё было так быстро. Но на камере видно. У вас же есть доступ к записям?

— Мы запросим видеоматериалы у службы безопасности магазина. Сейчас к вам направляется ближайшая патрульная машина. Постарайтесь оставаться на месте.

— Остаться на месте? — Эмили резко подняла голову. — Но они уже уехали! Они могли уехать куда угодно!

— Мадам, нам нужно зафиксировать ваше заявление, собрать первичные данные. Патрульные будут у вас через три минуты. Пожалуйста, не предпринимайте самостоятельных действий.

«Не предпринимайте самостоятельных действий». Эти слова обожгли её, как пощёчина.

— Вы понимаете, что каждая минута важна? — голос Эмили дрожал, но она старалась не кричать. — На камере видно, как они уходят. Если вы сейчас не начнёте искать, они скроются.

— Мы действуем по протоколу, — спокойно ответил диспетчер. — Пожалуйста, оставайтесь на линии, пока не приедут офицеры.

Эмили хотела бросить трубку. Хотела выбежать из этой комнаты, броситься к выходу, сесть в машину и ехать по всем дорогам, по всем улицам, пока не найдёт Лили. Но она знала, что так её просто не поймут. Что её примут за истеричку, за мать, которая «не справилась».

Поэтому она осталась. Сидела на жёстком стуле, слушала ровный голос диспетчера, который задавал всё новые и новые вопросы: адрес проживания, место работы, есть ли у дочери хронические заболевания, есть ли родственники в городе, кто ещё мог забрать ребёнка.

Каждый вопрос был как капля воды на раскалённую плиту — тихий, но обжигающий.

— У нас нет родственников, которые могли бы её забрать, — повторила Эмили в третий раз. — Никто не должен был её забирать. Её увели.

— Бывает, что дети уходят с друзьями родителей, — буднично заметил диспетчер. — Вы уверены, что никто из знакомых не мог...

— Я уверена, — отрезала Эмили, и в её голосе прозвучала сталь, которой она сама не ожидала. — Посмотрите видео. Там всё видно.

В комнату вошёл администратор магазина — тот самый высокий мужчина в фирменной рубашке. Он кивнул охраннику, потом посмотрел на Эмили. В его взгляде было сочувствие, смешанное с беспомощностью.

— Полиция уже едет, — тихо сказал он. — Мы усилили контроль на всех выходах. Просмотрели все камеры по периметру. Машина, предположительно, уехала в сторону шоссе 17.

Эмили резко повернулась к нему:

— Почему вы мне сразу не сказали?

Администратор на секунду замешкался:

— Мы передаём информацию в полицию. По регламенту...

— По регламенту моя дочь сейчас уезжает от меня всё дальше! — Эмили встала, чувствуя, что больше не может сидеть. — Скажите мне, что ещё вы видели. Цвет машины? Номер? Хоть что-нибудь!

Администратор покачал головой:

— Номера не видно. Машина тёмная, седан. Больше ничего.

Эмили снова села, потому что ноги не держали. Она закрыла лицо руками, пытаясь унять дрожь.

— Алло? — голос диспетчера снова ворвался в сознание. — Вы ещё на линии?

— Да, — выдохнула Эмили. — Да, я здесь.

— Патрульные уже подъезжают. Оставайтесь на месте, пожалуйста. Мы сделаем всё возможное.

«Всё возможное». Эти слова звучали как обещание, но в них было слишком много неопределённости.

Через несколько минут в коридоре послышались быстрые, тяжёлые шаги. Дверь распахнулась, и в комнату вошли двое полицейских в форме. Один — высокий, с внимательными глазами и аккуратной стрижкой, второй — чуть ниже, с усталым лицом, будто он уже видел сегодня слишком много чужого горя.

— Эмили Харрис? — спросил высокий. — Я офицер Дэвис, это офицер Моррис. Расскажите нам, что произошло.

И снова — всё сначала. Снова описание Лили, снова рассказ про стойку с открытками, про женщину в тёмной куртке, про камеру, про то, как легко было увести ребёнка из переполненного магазина.

Офицер Дэвис записывал в блокнот, кивая, не перебивая. Офицер Моррис стоял чуть в стороне, слушая, и время от времени поглядывал на монитор, где всё ещё крутилась запись.

Когда Эмили закончила, Дэвис поднял на неё глаза:

— Вы видели, как они садились в машину?

— Нет, — Эмили покачала головой. — Только как они шли к выходу. Дальше камера не берёт.

— Администратор сказал, что машина, вероятно, поехала в сторону шоссе 17, — добавил Моррис. — Мы уже передали ориентировку на тёмный седан.

— И что теперь? — спросила Эмили, глядя на них так, будто от их ответа зависела вся её жизнь. — Что вы будете делать?

Дэвис на секунду задумался, подбирая слова:

— Сейчас мы оформим заявление, возьмём у вас все данные. Параллельно запустим поиск по камерам города, проверим ближайшие улицы. Если машина выедет на шоссе, её заметят на постах.

— Это займёт время, — прошептала Эмили.

— Да, — честно ответил Дэвис. — Но каждая деталь важна. Нам нужно точно знать, кого мы ищем.

Эти слова снова вызвали в ней вспышку раздражения — такого острого, что оно почти заглушало страх.

— Время, — повторила она. — У нас нет времени. Вы не понимаете. Для них каждая минута — это километр. Для меня — это целая жизнь.

Часть 2. Погоня и жертвы

Глава 4. Эмили решает действовать сама

Комната охраны уже казалась Эмили чужой, враждебной: серые стены, мигающие экраны, запах пыли, который теперь ассоциировался у неё не с обычной бытовой рутинной, а с промедлением. Каждый миг, проведённый здесь, был мигом, когда Лили увозили всё дальше.

Полицейские ушли в торговый зал — опрашивать кассиров, проверять соседние камеры, собирать любые крупницы информации. Администратор время от времени заглядывал, будто хотел убедиться, что она не упала, не закричала, не бросилась куда-то сломя голову. Но именно это — броситься — и становилось для Эмили всё более неизбежным.

— Миссис Харрис, — тихо сказал администратор, снова появляясь в дверях. — Может, принести вам воды? Или кофе?

Эмили покачала головой. Ей не хотелось ни воды, ни кофе. Ей хотелось действия.

— Спасибо, не надо, — ответила она, стараясь говорить спокойно, чтобы голос не выдал, как внутри всё дрожит. — Скажите... камеры на парковке вы проверили?

Администратор кивнул:

— Да. Видели, как тёмный седан выехал через восточный выезд. Дальше он попал на Мэйн-стрит, там поток плотный, и мы потеряли его на перекрёстке у аптеки.

Восточный выезд. Мэйн-стрит. Перекрёсток у аптеки. Эти слова складывались в маршрут — не идеальный, не точный, но хоть какой-то.

— А дальше? — спросила Эмили, подавшись вперёд. — Куда он мог поехать дальше?

— Либо на шоссе 17, либо вглубь города, в сторону старых кварталов. Там узкие улицы, дворы, можно спрятаться.

«Шоссе 17», — мысленно повторила Эмили. Это слово уже звучало в её голове как ориентир, как направление, куда нужно бежать.

В коридоре снова послышались шаги — быстрые, уверенные. В комнату вошли офицеры Дэвис и Моррис. Дэвис выглядел собранным, но в его взгляде читалось напряжение: они тоже понимали, что время работает против них.

— Мы собрали показания, — сказал Дэвис, подходя ближе. — И запросили городские камеры. Сейчас ждём данные с перекрёстков. Как только будет что-то конкретное, мы сразу поедem.

Эмили сжала пальцы в кулаки. «Ждём». «Поедем». «Как только». Эти слова были правильными, профессиональными, но они не могли удержать её здесь.

— Сколько это займёт? — спросила она, глядя прямо на Дэвиса. — Час? Два?

Он не стал лгать:

— Сложно сказать. Зависит от загруженности системы, от качества картинки, от того, сколько камер придётся просмотреть.

— А за это время они могут уехать из города, — тихо, но твёрдо сказала Эмили. — По шоссе 17 можно быстро выбраться на междугороднюю трассу.

Моррис на секунду опустил глаза, будто признавая правоту её слов.

— Мы это понимаем, — сказал он. — И делаем всё, что можем.

— Но я не могу просто сидеть здесь, — голос Эмили дрогнул, но она не дала ему сорваться в крик. — Я знаю этот город. Я знаю, где можно спрятаться, где узкие улицы, где дворы без камер. Если я поеду... если я буду искать...

Дэвис резко, но не грубо, перебил её:

— Миссис Харрис, я понимаю ваши чувства. Но если вы поедете самостоятельно, вы можете помешать операции. Или, хуже того, сами окажетесь в опасности. Мы не можем этого допустить.

— Моя дочь в опасности, — прошептала Эмили, и в этом шёпоте было столько боли, что даже администратор, стоявший у двери, невольно отступил на шаг. — Больше ничего не имеет значения.

На секунду в комнате повисла тишина. Только экраны тихо мигали, отсчитывая секунды.

— Оставайтесь здесь, — повторил Дэвис уже мягче. — Мы будем держать вас в курсе. Как только у нас будет маршрут, вы узнаете первой.

Они снова вышли, оставив её наедине с этим вынужденным бездействием.

Эмили посмотрела на дверь, потом на окно — узкое, выходящее на служебную парковку. За ним виднелся ряд машин, среди них — её собственный серебристый седан, припаркованный у дальнего ряда, рядом с мусорными контейнерами. Ключи лежали в кармане её куртки, висевшей на спинке стула.

Она медленно встала. Ноги всё ещё были ватными, но в груди разгоралось другое чувство — не паника, а решимость. Паника мешала думать. А сейчас нужно было думать.

Куртка. Ключи. Машина. Маршрут: восточный выезд — Мэйн-стрит — перекрёсток у аптеки — дальше либо шоссе, либо старые кварталы.

Это был не план полиции. Это был её собственный план — простой, грубый, но единственный, который она могла выполнить прямо сейчас.

Администратор снова заглянул в комнату:

— Всё в порядке?

Эмили кивнула, стараясь выглядеть спокойной.

— Да, — сказала она. — Просто... мне нужно немного воздуха. Можно выйти на минуту?

Он на секунду задумался — не потому что не доверял, а потому что понимал, как хрупко сейчас её состояние.

— Конечно, — кивнул он. — Только недалеко. Патрульные рядом, если что.

— Спасибо, — снова кивнула Эмили и вышла в коридор.

Коридор был узким, пах моющими средствами и старым линолеумом. В конце виднелась дверь на служебную парковку — металлическая, с тяжёлой ручкой и табличкой «Только для персонала».

Эмили шла медленно, стараясь не бежать, не привлекать внимания. Она дошла до двери, взялась за ручку, на секунду задержала дыхание — и толкнула её.

Снаружи ударил прохладный воздух, смешанный с запахом бензина и мокрого асфальта. Парковка была полупустой: несколько служебных фургонов, пара машин сотрудников, её собственный седан.

Она быстро пошла к машине, чувствуя, как каждый шаг возвращает ей ощущение контроля. Ключи звякнули, когда она достала их из кармана. Дверца щёлкнула, открываясь. Внутри пахло её привычным миром: освежителем с запахом ванили, старой кофтой на заднем сиденье, коробкой салфеток.

Секунду она посидела, просто вдыхая этот запах, позволяя себе одну короткую мысль: «Я справлюсь». Потом завела двигатель. Мотор тихо заурчал, и этот звук показался ей почти ободряющим.

Выезжая со служебной парковки, она старалась держаться спокойно, не газовать, не привлекать к себе лишнего внимания. На выезде стоял охранник — тот самый, который сначала показал ей запись с камер. Он кивнул ей, думая, что она просто уезжает, потому что всё кончилось. Эмили кивнула в ответ — и поехала.

Мэйн-стрит встретила её привычным потоком машин: автобусы, такси, частные автомобили, все спешат по своим делам, не зная, что где-то рядом рушится чья-то жизнь. Эмили востроилась в поток, сжимая руль так, что побелели костяшки пальцев.

Перекрёсток у аптеки был впереди. Она вспомнила слова администратора: «потеряли на перекрёстке». Значит, здесь тёмный седан мог свернуть в любую сторону.

Она остановилась на светофоре, глядя вперёд, пытаясь представить, как бы она сама поехала, если бы хотела скрыться. Шоссе 17 — быстро, но там больше камер, больше патрулей. Старые кварталы — медленнее, но легче спрятаться.

Светофор переключился на зелёный. Эмили поехала прямо, к выезду на шоссе. Это было самое вероятное направление. Если они хотели уехать быстро, они бы выбрали его.

По дороге она достала телефон. Экран засветился, показывая пропущенные звонки от работы, от сестры, от подруги. Она не стала отвечать. Вместо этого она набрала номер, который всё ещё помнила наизусть — личный номер офицера Дэвиса.

Гудок. Второй. Третий.

— Дэвис, — голос офицера прозвучал сухо, но без раздражения. — Эмили? Вы где?

Она на секунду закрыла глаза, собираясь с силами, чтобы сказать правду.

— Я... я уехала из магазина, — выдохнула она. — Я еду по Мэйн-стрит в сторону выезда на шоссе 17. Если они поехали быстро, это самое вероятное направление.

На том конце провода повисла короткая, но тяжёлая пауза.

— Эмили, — голос Дэвиса стал жёстче, но не злым, а требовательным. — Остановитесь. Прямо сейчас. Не делайте этого.

— Я не могу, — прошептала она. — Простите, но я не могу.

— Вы мешаете расследованию, — сказал он, и в его голосе прозвучала не угроза, а предупреждение. — И рискуете собой.

— Моей дочери шесть лет, — ответила Эмили, и теперь в её голосе не было ни дрожи, ни слёз — только сталь. — Если я могу хоть что-то сделать, я сделаю. Даже если это неправильно.

Ещё одна пауза. Потом Дэвис вздохнул — не раздражённо, а устало, как человек, который понимает, что иногда правила не работают.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Не сворачивайте никуда. Оставайтесь на Мэйн-стрит и двигайтесь к выезду. Мы уже отправили патруль в ту сторону. Если увидите тёмный седан — не приближайтесь. Просто позвоните мне. И держитесь на расстоянии.

— Хорошо, — кивнула Эмили, хотя он не мог её видеть. — Я буду держаться на расстоянии.

Она убрала телефон, положила его на пассажирское сиденье, чтобы он был под рукой. Руки всё ещё дрожали, но теперь эта дрожь была не от страха, а от напряжения — как у спортсмена перед стартом.

Выехав на развязку, она увидела впереди шоссе 17. Потоки машин сливались, ускорялись, сливались в единый поток, который нёсся прочь от города. Эмили востроилась в крайний правый ряд — так было легче видеть обочину, боковые выезды, любые машины, которые могли свернуть неожиданно.

И тут она увидела его.

Тёмный седан.

Он был впереди, в двух рядах левее, чуть дальше по потоку. Расстояние было достаточным, чтобы не привлекать внимания, но достаточным, чтобы разглядеть силуэт за рулём и пассажира рядом.

Сердце Эмили подпрыгнуло к горлу, но она заставила себя дышать ровно. Не паниковать. Не делать резких движений. Просто следовать.

Она не стала звонить сразу. Сначала нужно было убедиться. Она держала дистанцию, повторяя манёвры седана: когда он перестроился левее, она тоже перестроилась, но осталась

в своём ряду. Когда он ускорился, она тоже прибавила скорость, но не слишком, чтобы не выделяться в потоке.

Телефон на сиденье завибрировал. Эмили бросила короткий взгляд — Дэвис. Она не ответила. Пока не могла. Пока не была уверена.

Через несколько километров шоссе стало свободнее. Машины начали разгоняться, и тёмный седан тоже прибавил скорость. Эмили держалась за ним, чувствуя, как страх и надежда сплетаются в тугий узел где-то под рёбрами.

Глава 5. Маркус замечает слезку

Тёмный седан резко вильнул влево, пересёк две полосы и едва не задел фургон доставки. Эмили инстинктивно вдавила тормоз, чувствуя, как машину слегка заносит на неровном покрытии. Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая даже шум двигателя и гул шин.

— Спокойно, — прошептала она сама себе, будто эти слова могли удержать её от паники. — Держи дистанцию. Не теряй их.

Но теперь она поняла: они не просто ехали. Они проверяли, нет ли хвоста. И резкий манёвр был не случайностью — это была проверка.

Лили. Эмили снова вспомнила дочь. Где она сейчас? В багажнике? На заднем сиденье? Пристёгнута или просто зажата между преступниками? От этих мыслей хотелось закричать, но вместо крика она крепче сжала руль и снова прибавила скорость, стараясь не выделяться в потоке, но и не отставать.

Впереди седан снова рванул вперёд, резко ускоряясь, будто бросая вызов всему движению. Эмили последовала за ним, чувствуя, как гравий и мелкие камни стучат по днищу её машины. Дорога становилась всё хуже: асфальт сменился грунтовкой, по обочинам тянулись ржавые заборы, старые склады, полуразрушенные постройки. Это был район, где камеры висели редко, а случайные свидетели не спешили вмешиваться.

Седан снова вильнул — на этот раз вправо, почти на встречную полосу, и тут же вернулся обратно, едва разминувшись с грузовиком. Водитель грузовика высунулся из окна и что-то крикнул, но звук растворился в шуме.

Эмили поняла: Маркус делал это намеренно. Он проверял, кто за ними. И если она будет слишком близко — он поймёт, что его преследуют.

Она чуть сбросила скорость, давая между машинами ещё несколько десятков метров. Теперь седан выглядел как просто тёмная точка впереди, среди пыли и редких других машин. Но Эмили не могла его потерять.

Телефон на пассажирском сиденье снова завибрировал. Она бросила короткий взгляд: Дэвис. Опять. Она не могла ответить. Не сейчас. Сейчас каждая секунда требовала всего её внимания.

— Прости, — тихо сказала она телефону, как будто он мог её услышать. — Я не могу остановиться.

Снова впереди — резкий поворот. Седан свернул на узкую дорогу, которая уходила в сторону от основной трассы, мимо старых ангаров и полуразрушенных построек. Дорога была неровной, с выбоинами, и машину подбрасывало на кочках.

Эмили свернула следом, но на секунду позже, стараясь не выдать себя. Пыль поднялась густым облаком, оседая на лобовом стекле. Она включила дворники, но они только размазывали грязь. Видимость упала почти до нуля.

Когда пыль немного осела, она увидела: седан впереди резко остановился, перегородив дорогу. Эмили ударила по тормозам, чувствуя, как ремни впиваются в плечи. Машина замерла в нескольких метрах от тёмного седана.

На секунду всё вокруг будто остановилось. Тишина повисла в воздухе, густая и тяжёлая, как перед грозой.

Потом дверца седана распахнулась. Из неё вышел Маркус — высокий, широкоплечий, с лицом, на котором не было ни страха, ни сомнений, только холодная решимость. Он посмотрел прямо на машину Эмили — и в его взгляде она прочитала всё: он знал, что она следила за ними.

Он не кричал. Не махал руками. Просто стоял, глядя на неё, и этого было достаточно, чтобы по спине пробежал ледяной холод.

Эмили застыла, не зная, что делать. Выйти? Кричать? Попытаться объяснить, что она просто проезжала мимо? Но он не поверил бы. Никто бы не поверил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.